

ЕВРАЗИЙСТВО КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ¹

М. Д. Валовая

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

Евразийство сегодня представляет собой уникальный синтез исторических культурных и социально-политических взглядов и концепций, которые могут стать основой для дальнейшего развития интеграционных процессов. В статье рассматриваются основные исторические этапы развития евразийства, исследуются взгляды их основателей. Представлены основные идеологии евразийства, показаны предпосылки создания общего евразийского пространства, изучена роль евразийского пространства в развитии геополитического и геоэкономического процессов.

Ключевые слова: пассионарность, философия евразийства, личность, народные массы.

EURASIANISM AS THE BASIS OF MODERN EURASIAN INTEGRATION

Mariya D. Valovaya

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Today Eurasianism is a unique synthesis of historical, cultural, and socio-political views and concepts that can become the basis for further development of integration processes. The article examines the main historical stages of the development of Eurasianism, and examines the views of their founders. The main ideologies of Eurasianism are presented, the prerequisites for creating a common Eurasian space are shown, and the role of the Eurasian space in the development of the geopolitical and geo-economic processes is studied.

Ключевые слова: passionarity, philosophy of Eurasianism, personality, popular mass.

Движение, участники которого называли себя евразийцами, сформировалось в среде русского зарубежья в начале 20-х гг. прошлого века. Теория евразийцев, сформировавшаяся на основе критики школ славянофилов и западников, носила комплексный характер и базируется на тезисе о том, что Россия, которая находится и в Европе, и в Азии, представляет собой образец нового социокультурного мира, объединяющего обе части света, но доминантой является азиатский компонент. Обосновывая эту позицию, евразийцы писали: «Культура России

¹ Статья подготовлена в рамках внутреннего гранта РЭУ им. Г. В. Плеханова «Механизмы развития интеграционных процессов ЕАЭС» (Приказ № 922 от 25.06.2019).

не есть ни культура европейская, ни одна из азиатских, ни сумма или механическое сочетание из элементов той и других. Ее надо противопоставить культурам Европы и Азии как срединную евразийскую культуру» [9. – С. 32].

С точки зрения евразийцев, в ее основе – целостность евразийского исторического и географического пространства. Эта идея прозвучала в первой работе евразийцев – сборнике «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», выпущенном в Софии в 1921 г., в котором они заявляли: «Свой национализм мы обращаем как к субъекту не только к «славянам», но к целому кругу народов евразийского мира; между которыми народ российский занимает срединное положение...» [6. – С. 7].

Философская тенденция в евразийстве рассматривалась Н. С. Трубецким и Л. П. Карсавиным; философско-богословская – Г. В. Флоровским и А. В. Карташевым; экономические и географические взгляды разрабатывались прежде всего П. Н. Савицким; теория евразийского государства – Н. Н. Алексеевым, исторические аспекты – М. В. Шахматовым, П. М. Бицилли, Г. В. Вернадским. Это деление носит условный характер в силу того, что широта познаний и кругозора дала им возможность развивать концепции, выходящие за пределы их специальностей.

В этом направлении работали философы В. Н. Ильин, Н. С. Арсеньев, В. Э. Сеземан, историк и литературовед Д. П. Святополк-Мирский, популяризатор евразийских идей Я. Д. Садовский и другие выдающиеся личности.

Евразийство продолжает линию преемственности от славянофилов К. С. Аксакова, А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, Ф. М. Достоевского, на свое духовное родство с которыми не раз указывали сами евразийцы.

Евразийство – это синтез традиций русской мысли и продукт исторической эпохи. В «Исходе к Востоку» это отмечено особо: «Статьи, входящие в состав настоящего сборника, сложились в атмосфере катастрофического мироощущения. В совершавшемся и совершающемся мы видим не только потрясение, но кризис и ожидаем от наступающего – глубокого изменения привычного облика мира» [6. – С. 5].

Обстоятельства, в которых идеологи евразийства создавали основы своей философской концепции, во многом схожи с ситуацией начала 1990-х гг., породившей в обществе острый кризис самосознания. Случайно ли, что и на этом крутом изломе наиболее дальновидный и взвешенный лидер, основатель независимого Казахстана, нашел выход в возрождении – но уже на новом уровне – идей евразийского единства, спасения в котором искали еще в прошлом веке блестящие русские интеллектуалы?

Влияние «русской катастрофы» на евразийцев выразилось прежде всего в пристальном анализе ими причин, истоков, смысла русской революции. Евразийцы ставили благополучие евразийской общности выше политических и национальных распрей. Петр Сувчинский провозглашал важность сохранения корней историко-культурного единства народов Евразии.

Философские и исторические искания евразийцев нашли широкий отклик в общественной мысли русского зарубежья. С критикой евразийства выступали яркие, самобытные мыслители Н. А. Бердяев и А. А. Кизеветтер и др. и бывшие евразийцы П. М. Бицилли и Г. В. Флоровский.

Движение евразийцев развивалось практически до конца 30-х гг. XX в. Активно публиковались теоретические и программные работы ученых. В 1923 г. Н. С. Трубецкой, П. Н. Савицкий и П. П. Сувчинский учредили в Берлине «Евразийское книгоиздательство» и общество «Кружок российско-азиатских изучений», в 1926 г. прошел Съезд совета евразийства, в Кламаре начала работать Евразийская семинария под руководством Л. П. Карсавина, в 1932 г. вышли 6 номеров евразийского журнала «Парижские тетради».

В целом можно выделить три этапа классического евразийства:

1. 1921–1925 гг. – теоретическое и организационное становление движения.
2. 1925–1929 гг. – усиление идейно-политической активности движения.
3. 1929–1939 гг. – угасание и раскол движения на несколько групп.

Евразийское движение угасло лишь накануне Второй мировой войны.

Следующий этап развития евразийской мысли связан с именем Льва Гумилева.

Классическая евразийская философия – теория комплексная, сочетающая ряд принципиальных подходов. В середине XX в. Лев Николаевич Гумилев дополнил эту концепцию идеей о «кормящем ландшафте». По мнению этого выдающегося ученого, разнообразие ландшафтов Евразии помогало каждому из евразийских народов обрести собственное место, максимально благоприятное для развития этноса.

Еще одной научной концепцией Л. Н. Гумилева, развившей и обогатившей евразийскую философию, стала теория пассионарности.

Согласно его представлениям, пассионарность – это характерная для некоторых личностей способность изменять окружающую среду и самого себя, потребность в преодолении. Не случайно, термин «пассионарность» происходит от латинского слова *passio*, означающего «страсть», «страстность». По определению Гумилева, пассионарии – это люди, обладающие энергией, достаточной для видоизменения окружающей среды. В своих трудах ученый отмечал, что в основе любого деяния,

оставляющего следы в истории, находится необоримое внутреннее стремление «к целенаправленной деятельности, всегда связанной с изменением окружения, общественного или природного» [2. – С. 19]. Таким образом, «доминирующими для пассионариев являются их потребность в активности, повышенная тяга к действию» [2. – С. 19].

Пассионарность является величиной векторной. Причем направление вектора пассионарности противоположно вектору инстинкта самосохранения, индивидуального и видового [3. – С. 316].

Поэтому пассионарность, по Л. Н. Гумилеву, – это антиинстинкт, заставляющий пассионарную личность иногда даже жертвовать собственной жизнью ради достижения намеченной цели [3. – С. 391].

Пассионарность характеризует меру энергетического напряжения и отношения человека к миру, людям, себе, деятельности; не зависит от содержания деятельности и поведения; универсально проявляется во всех сферах деятельности; рано проявляется в детстве; устойчива в течение длительного периода жизни человека; и, что существенно, является наследуемым свойством психики [3. – С. 391].

По его мнению, пассионарии – это люди «длинной воли», т. е. волевые, обладающие высокой саморегуляцией деятельности. Поэтому они могут хорошо владеть собой, не проявляя до поры вышеперечисленные качества и не выказывая неудовлетворенность своих потребностей. А пассионарность – это еще и «неудовлетворенность разных степеней» [4. – С. 46].

Менее пассионарны те личности, которые во что бы то ни стало, но только не ценой собственной жизни, стремятся к идеалу победы.

Следующим уровнем, для которого характерны фазы надлома, Л. Н. Гумилев считает стремление к идеалу знания и красоты. Он характеризует это как «пассионарность слабая, но действенная». В качестве примера таких пассионарных личностей можно привести всех талантливых ученых, музыкантов, художников, актеров и других представителей творческих профессий.

Еще ниже пассионарность у ищущих удачу с риском для жизни прагматиков – авантюристов, искателей счастья, отчаянных путешественников.

Минимальной пассионарностью обладают энергичные люди, которые стремятся обустроить свою жизнь ничем не рискуя.

Наименьшей пассионарностью, согласно классификации Л. Н. Гумилева, обладает обыватель – тихий человек, полностью приспособленный к окружающему ландшафту [4. – С. 33].

Л. Н. Гумилев неоднократно обращал внимание на то, что пассионарность никак не соотносится со способностями личности, силой воли, темпераментом.

Пассионарность – крайне редкое качество, и число людей, обладающих им, ничтожно мало, однако они за счет своей избыточной энергии способны не только направлять народные массы на масштабные деяния, но и создавать этнические системы. Л. Н. Гумилев писал: «Очевидно, сама живая личность создает вокруг себя какое-то напряжение, обладает каким-то реальным энергетическим полем или сочетанием полей» [5. – С. 5].

В его представлении именно пассионарность стала движущей силой образования этносов на евразийском пространстве и их последующего объединения. Такой силой ему представлялась биохимическая энергия, привносимая из космоса. Это представление основывалось на научных изысканиях выдающегося русского ученого Владимира Ивановича Вернадского. Способ действия биохимической энергии Гумилев назвал пассионарным толчком. Это понятие означает непреодолимое стремление к деятельности, характерное для пассионарных личностей. Именно пассионарии двигают процесс развития этноса вперед.

Причем этнос, по мнению Л. Н. Гумилева, с одной стороны, – не нация, не конфессия, не класс и тем более не государство. Это общность, члены которой имеют единое самосознание. С другой стороны, этнос – неотъемлемая часть окружающей среды, которая формирует менталитет народа.

Этногенез, согласно представлениям Л. Н. Гумилева, является многоуровневым процессом рождения, подъема, упадка и умирания этноса. Исключительную роль в этом процессе играет биологический потенциал человека.

В этом контексте показательна та высокая роль, которая отводится в евразийской теории понятию «личность». Ученые-евразийцы выходят за рамки простого толкования личности как отдельного человека. По их мнению, личностью может считаться целый народ, создавая коллективную «симфоническую личность». Основу такого подхода составляет культурологический принцип. «Мало того, даже целая группа народов, создавших, создающих или могущих создать особую культуру, рассматривается как особая личность: ибо культура, как совокупность и система культурных ценностей, предполагает целесообразное творчество, а такое творчество предполагает личность. Таким образом, наряду с частночеловеческими личностями существуют личности многочеловеческие, как частнонародные, так и многонародные» [8. – С. 93].

Главная задача культуры – создание необходимых условий, при которых каждый член общества, так или иначе являющийся частью коллективной личности, мог бы в полной мере реализовать собственный потенциал для достижения общего процветания и благополучия.

По мнению Г. В. Вернадского, географические особенности, присущие евразийскому пространству, создают необходимые предпосылки

для создания общего евразийского государства. Формирование такого политического образования в разные периоды становилось целью разных народов [1. – С. 14].

Монголам отводилась особенная роль в процессе государственного объединения Евразии. О значимости ордынских ханов в создании традиций евразийской государственности можно судить по представлению евразийцев об особенностях этнопсихологического евразийского типа, который формируется преимущественно через соединение языковой палитры восточно-славянских народов, с одной стороны, и азиатского культурно-этнического типа – с другой.

Согласно представлениям Н. С. Трубецкого, монголы сформулировали историческую задачу Евразии, заложив основы ее политической консолидации и самобытности государственного строя. Позже созданный монголами фундамент политического единства был дополнен русским, христианским началом.

Таким образом, по мнению Трубецкого, «сила горения русского религиозно-национального чувства переплавила северо-западный улус монгольской монархии в московское царство, в котором монгольский хан был заменен православным русским царем» [8. – С. 8].

Последняя попытка создания единой евразийской государственности окончилась образованием Российской империи и СССР как продолжения единой евразийской государственности. Г. В. Вернадский писал о высоком объединительном потенциале, существующем в советском обществе: «Ныне Евразия представляет собой такое геополитическое и хозяйственное единство, какого ранее она не имела. Поэтому теперь налицо такие условия для всеевразийского государственного единства, каких раньше быть не могло» [8. – С. 16]. При этом он подчеркивал: «Разумеется, государственные формы для предупреждения распада государства должны иметь достаточную гибкость в соответствии не только с общими целями, но также и местными нуждами. Российская или всеевразийская государственность необходимо должна держаться форм сочетания единства и множества (особых форм федерации)» [8. – С. 16–17.].

По мнению ученых-евразийцев, несмотря на то что все объединения на евразийском пространстве распадались, его общность предопределена самой природой. В основе такой общности должен быть учет взаимных интересов участников. Евразийские народы, согласно представлениям евразийцев, не конкуренты, а союзники, которые совместно строят будущее.

Евразийцы видели силу и слабость объединительного принципа СССР в особенностях советского федерализма. Центральная власть в Советском Союзе обладала всеми инструментами и возможностями для формулирования общих правовых норм и утверждения общих начал по-

литики. Однако в автономных и союзных республиках функционировали самостоятельные центры власти. Поэтому евразийцы подвергали критике лозунг «самоопределение наций», считая, что он потенциально несет в себе опасность распада страны.

Содержащиеся в трудах евразийцев идеологические и методологические ориентиры обретают новое звучание в постсоветскую эпоху.

Именно это представление теоретиков евразийской идеи было творчески переосмыслено в последнее десятилетие XX в. Евразийская идея получила новый импульс, начало 1990-х гг. стимулировало развитие политической мысли. Новое осмысление философии евразийства свидетельствовало, с одной стороны, о стремлении к построению и укреплению национальной государственности, с другой стороны, о поиске оптимальных механизмов сохранения связей, существовавших между евразийскими странами на протяжении веков. Возрождение фундаментальных идей философов-евразийцев и обновление их с учетом радикальных геополитических перемен явилось объективным следствием распада СССР и возникновения кризиса самоидентификации среди населения некогда единой страны, в один миг оказавшейся разделенной государственными границами.

Выдающийся русский ученый Лев Гумилев, как уже отмечалось выше, считал сердцем Евразии Великую степь, простирающуюся от Китайской стены до Карпат. Рукотворное преобразование этого пространства к началу XXI в. воплотилось в конкретные проекты, ставшие фундаментом взаимодействия евразийских народов. Это был непростой и противоречивый путь. Действительно, ориентиры на сотрудничество долгое время не являлись стержнем внешнеполитической стратегии евразийских стран. Ведь на рубеже XX и XXI столетий постсоветское пространство находилось под воздействием двух противоположных тенденций: дезинтеграционной и интеграционной. Момент распада СССР стал временем выбора вектора развития для политических элит новых независимых государств. Ряд стран выбирали в качестве внешнеполитических ориентиров внерегиональных игроков. Однако разрыв единых нитей, связывающих советскую хозяйственную систему, привел к серьезным социально-экономическим потрясениям.

Дезинтеграция, ломая устоявшиеся связи, порождая конфликты, вплоть до военных, нарушила привычный уклад жизни людей. Граждане новых независимых стран столкнулись с обострением межнациональной напряженности, беженцами, резким падением благосостояния.

Развитие дезинтеграционных процессов оборачивалось межнациональными и территориальными конфликтами. Обвальное разрушение прежних социальных, политических и экономических связей, объединявших пространство СССР, лишь усугубляло состояние национальных экономик в начале 1990-х гг. Политические элиты независимых республик

осуществляли рыночные преобразования в условиях, когда перед странами СНГ стояла задача элементарной стабилизации экономики и хозяйства. О масштабах экономических потрясений, с которыми столкнулись новые независимые государства, объективно свидетельствуют статистические данные.

Поиск путей выхода из кризисной ситуации стал одной из приоритетных задач для постсоветских стран. Однако варианты решения экономических проблем нередко реализовывались методом проб и ошибок. Стремление стран СНГ собственными силами преодолеть последствия распада СССР не увенчалось успехом. Негативные тенденции, характерные для внутренних процессов, происходивших на постсоветском пространстве в начале 1990-х гг., стали свидетельством ущербности дезинтеграционной политики.

В этих условиях политическую волю к интеграции продемонстрировал лидер Казахстана Н. А. Назарбаев, убежденный, что несмотря на то что этап взаимного отторжения и был неизбежен, этот виток потрясений через какое-то время даст новое качество стабильности – размежевавшиеся страны и народы поймут издержки изоляционизма и вернуться на путь интеграции. С этой точки зрения евразийское пространство играет значительную роль в развитии геополитических и геоэкономических процессов. Территория Евразии составляет почти 1/6 часть Земли с населением 290 млн человек, отличаясь при этом большим этническим разнообразием, религиозными верованиями, культурными традициями. Не случайно многие ученые называют Евразию уникальным цивилизационным явлением, срединным материком, суперконтинентом, мостом между Востоком и Западом.

Отношения между людьми, населявшими этот геостратегический регион в разные исторические периоды, складывались подчас неоднозначно. Однако их взаимодействие в рамках общего цивилизационного пространства всегда основывалось на прочных традициях добрососедства и взаимного уважения.

Яркими свидетельствами тесного взаимодействия евразийских народов можно считать такие масштабные явления, повлиявшие на ход всей мировой истории, как Великое переселение народов, определившее контуры границ современной Европы; Великий Шелковый путь, являвшийся ключевой торгово-экономической артерией вплоть до XV в.; государственные образования кочевников, основанные на синтезе разных культур и религий. Значительная часть территории Евразии в течение многих десятилетий была включена в состав Российской империи, а затем Советского Союза.

Единство народов Евразии определяется общим историческим и культурным наследием, уходящими вглубь веков традициями совместного бытия. Цивилизационная и ментальная близость народов Евразии

является очень мощным, но далеко не единственным фактором, определяющим необходимость евразийской интеграции. Преодоление проблем начала 1990-х гг., эффективное вхождение новых независимых государств в глобальное пространство было возможно лишь совместными усилиями при опоре на созданный за десятилетия единый народнохозяйственный комплекс. Региональная интеграция – это не способ отгородиться от мира, а возможность выйти на мировой рынок наиболее эффективным путем.

Позже, в проектах Евразийского Союза особо подчеркивалась невозможность ассоциированного членства в ЕАС. Это положение базировалось на анализе негативного опыта деятельности функционировавших на тот момент интеграционных объединений. Большинство из принятых тогда в рамках СНГ совместных документов не были ратифицированы национальными парламентами, а утвержденные не работали на практике по различным объективным и субъективным причинам.

Еще одним принципиальным моментом, отраженным в проекте Евразийского Союза, была недопустимость вхождения в ЕАС воюющих между собой государств. Подчеркивалось, что в новом Союзе не должно быть крови. Более того, условием вхождения стран в ЕАС являлось экспертное заключение об их готовности к вступлению.

Проект Евразийского союза предполагал образование единого экономического пространства, но не единого политического пространства. Это обстоятельство еще раз подчеркивало, что интеграция экономик евразийских стран не означала ущемления их политического суверенитета. Первым шагом к практической реализации евразийской стратегии должно было стать формирование институтов и механизмов нового интеграционного объединения.

Проект создания Евразийского Союза предусматривал формирование коллективных сил безопасности. В рамках обеспечения безопасности внутри Союза предполагалось заключить целый ряд соглашений.

Большое значение в проекте создания Евразийского Союза придавалось проблеме обеспечения экологической безопасности. Посвященные евразийскому проекту мероприятия, которые состоялись в 1994 г. в Москве и Алма-Ате, позволили привлечь к обсуждению Евразийской идеи широкий спектр политических сил. Появились различные взгляды на проблемы постсоветской интеграции, однако большинство участников позитивно встретило проект.

Характерно, что его противники, не дожидаясь конкретизации проекта, выступили против любых форм интеграции бывших братских республик. Выяснилось, что часть политических элит стран СНГ готова отказаться от дезинтеграционных устремлений и программ, в то время как сами народы уже опережают их в стремлении к единению на новой основе. Интеграционная идея прозвучала неожиданно и смело, особенно в

контексте тех негативных процессов, которые существовали в отношениях между постсоветскими странами в этот сложный период становления независимости.

В начале 1990-х гг. интеграционные процессы не получили необходимой динамики. Со временем принцип экономической целесообразности возобладал. Стало очевидно, что интеграция на постсоветском пространстве – процесс объективный, не противоречащий самостоятельному экономическому и политическому развитию новых государств на евразийском пространстве.

В результате 20-летней интеграционной работы, проделанной евразийскими государствами, был создан и начал функционировать Евразийский экономический союз, объединяющий сегодня пять государств. С начала функционирования Евразийского союза произошло углубление интеграции во всех направлениях. В результате появилась тенденция конвергенции и улучшения отдельных показателей социально-экономического развития государств-членов.

Функционирование Союза обеспечило возможность расширения свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы и проведения согласованных, скоординированных и единых политик.

Список литературы

1. Вернадский Г. В. Монголы и Русь. – Тверь : М. : Леан; 1997.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. – Л., 1990.
3. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. – Спб. : Кристалл, 1989.
4. Гумилев Л. Н. Этносфера. История людей и история природы. М., 1993.
5. Гумилев Л. Н. О термине «этнос» // Доклады отделений и комиссий Географического общества СССР. – 1967. Вып. 3.
6. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. – София, 1921.
7. Трубецкой Н. С. К проблеме русского самопознания. – Париж, 1927.
8. Трубецкой Н. С. Наследие Чингисхана. – М. : Антология, 2007.
9. Трубецкой Н. С. Евразийство. – М., 1926.

References

1. Vernadskiy G. V. Mongoly i Rus [The Mongols and Rus]. Tver, Moscow, Lean; 1997. (In Russ.).
2. Gumilev L. N. Etnogenez i biosfera zemli [Ethnogenesis and the Earth's Biosphere]. Leningrad, 1990. (In Russ.).

3. Gumilev L. N. Etnogenez i biosfera zemli [Ethnogenesis and the Earth's Biosphere]. Saint-Petersburg, Kristall, 1989. (In Russ.).
4. Gumilev L. N. Etnosfera. Istoriya lyudey i istoriya prirody [The Ethnosphere. History of People and History of Nature]. Moscow, 1993. (In Russ.).
5. Gumilev L. N. O Termine «Etnos» [About the Term «Ethnic Group»], *Doklady otdelenii i komissiy Geograficheskogo obshchestva SSSR* [Reports of Departments and Commissions of the Geographical Society]. 1967. Vip. 3. (In Russ.).
6. Iskhod k Vostoku. Predchuvstviya i sversheniya. Utverzhdenie evraziytsev [Exodus to the East. Premonitions and Accomplishments. Approval of the Eurasians]. – Sofia, 1921. (In Russ.).
7. Trubetskoy N. S. K probleme russkogo samopoznaniya [To the Problem of Russian Self-Knowledge]. Paris, 1927. (In Russ.).
8. Trubetskoy N. S. Nasledie Chingiskhana. Moscow Anthology [Genghis Khan's Legacy], 2007. (In Russ.).
9. Trubetskoy N. S. Evraziystvo [Eurasianism]. Moscow, 1926. (In Russ.).

Сведения об авторе

Мария Дмитриевна Валовая

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры международного
бизнеса и таможенного дела ФГБОУ ВО
«РЭУ им. Г. В. Плеханова».
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 117997, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: Valovaya.MD@rea.ru

Information about the author

Mariya D. Valovaya

Doctor of Science, Professor, Professor
of the Customs and International Business
Department of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: Valovaya.MD@rea.ru